

ВЛАДИСЛАВ СКИТНЕВСКИЙ

Как развенчивают утопии

О жанре антиутопии в литературе

Антиутопия в русской литературе всегда имела место. История нашей страны сама по себе — борьба утопии с антиутопией, идеалистических мечтаний и жестоких разочарований.

Владислав Оскарович Скитневский, кандидат педагогических наук, доцент библиотековедения, г. Кингисепп

ВРЕМЯ НАЧАТЬ об антиутопии рассказ. Не потому, что Аннушка уже масло разлила, а бабочка Брэдбери уже раздавлена. Нет, просто всему своё время. Антиутопии пора сменить жанр политической сатиры, поскольку последний сейчас кажется неудобным, некорректным. Смех над коммунистической утопией набил оскомину и раздражает. Пора перестать отождествлять греческое «анти» с привычной для русского восприятия «контрой». Авторы антиутопических произведений, как правило, люди умные, талантливые и смелые. Достаточно заглянуть в их биографии, чтоб убедиться: непросто было не сломаться, выстоять, наперекор всему показать, как отечественная история становится управляемой. Да, их изгоняли из СССР. Да, они были «отщепенцами», «контрой», диссидентами. Сократа изгоняли за то же самое.

Многие прекрасные произведения русских классиков имеют налёт антиутопической западно-европейской мысли. Рождается антиутопия только из чрева утопии. Последняя порождает её, если оказывается поражена некоей заразой, от которой срочно требуется лекарство.

Мечты о лучшей жизни преследовали человечество всегда. Умножаясь и переливаясь через край, они увлекли за собой мыслителей, философствовавших о государстве, жизнь в котором будет не хуже, чем в райских кущах. Англичанин Т. Мор, написавший в 1516 г. свою «Утопию», подарил тем самым новому литературному жанру название. Утопал в утопизме и наш «кремлевский мечтатель», заверявший простой народ: «Вер-

ной дорогой идёте, товарищи!» Красной линией через его утопию, наречённую позже «марксизмом-ленинизмом», проходила мысль о том, что путь к «лучшей жизни» лежит через разрушение старого мира и избавления от царского насилия. Разрушить-то старый мир разрушили, а вот что до создания мира нового...

Свою утопию большевики реализовали по типу библейского апокалипсиса. Судный день пришёл вместе с переворотом в 1917 году. Тысячи судей, в городах и сёлах без суда и следствия карали «классовых противников», «носителей зла». Веря в успех, крушили всё, что попадало под руку, не только материальные ценности, но и духовные. Веру дедов и прадедов меняли на новую. Учились читать по букварям: «Рабы не мы. Мы не рабы». Стали читать толстые книги — тяжёлые по весу, тяжёлые для восприятия; читать их было необходимо, иначе не продвинешься по службе. Вот и читали, что люди живут по законам развития природы, а сама природа-матушка живёт по законам необходимости. Но сильно об этом не задумывались. И жили с раздвоенным сознанием, делая вид, что изучают марксизм-ленинизм.

Мы открывали Маркса каждый том,

как в доме собственном мы открываем ставни.

Но и без чтения мы разбирались в том,

В каком идти, в каком сражаться стане.

Затем появилась прослойка идеологических жрецов, не читавших ни Маркса, ни Ленина, но твёрдо усвоивших, что

и как надо говорить о создателях коммунистической утопии. Научившись читать и писать, народ применил это умение в жизни: стали «держат митинговые речи», писать доносы, бичевать «врагов народа». В письмах трудящихся в поддержку партии озвучивать «правильное» мнение: *«Признаюсь честно, как член партии. Этого Пастернака я не читал, но заранее знаю, что он наш злейший враг».*

Надо отдать должное: советский народ считали самым читающим в мире. Нет сомнения и в том, что этот читатель чувствовал фальшивые нотки во многих произведениях советской литературы. Умные, проницательные, нетерпимые ко лжи и несправедливости люди осмеливались предупреждать народ о несоответствии коммунистической утопии реальному положению вещей. Это и были антиутописты. В сатирической форме они рисовали предпосылки к возможным изменениям не только общественного строя страны, но и её духовных основ.

Так появилась первая антиутопия — «Мы» Евгения Замятина. Писатель го-

ворил о сковавшем людей страхе, который превратился в основной метод управления в политике, культуре, экономике, и писатель вынужден был покинуть СССР. Исключительно талантливый прозаик Андрей Платонов работал старательно, как работает старатель на приисках, единого слова ради вымывая горы словесной руды. Замысел его логотригического произведения «Котло-

ван» вызревал на протяжении многих лет. Главное в его литературном творчестве — *«созидание и воплощение на нашей планете великой человеческой мечты».* Он считал, что дух и материя слиты в человеке воедино за счёт *«вещества существования»*, имеющего творческое предназначение. Антиутопические произведения Андрея Платонова «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море» специалисты сравнивали с творчеством Ф. М. Достоевского. Но если у Ф. М. Достоевского персонажи устремляются, как правило, вверх, к Богу, то платоновские герои ударных социалистических строек устремляют свой взгляд вниз. Разве это не антиутопический приём, идущий вразрез с сияющими вершинами коммунизма? Даже заполнение выкопанного котлована рабочими воспринимается как оставшееся

от капитализма «пустое место», в которое стекаются со всех сторон пролетарии всех стран с кирками и лопатами. Строители котлована, всматриваясь в его глубину, видят непроглядную пустоту, ассоциируя её с «материнской утробой». Измождённые непосильным физическим трудом, они перестают думать, теряют всякую способность к интеллектуальной жизни.

В глубине котлована, рва для труб, обычной канавы люди ищут место успокоения. Их интеллект погружён в материю «вещества существования», которое красной линией проходит по всем произведениям Андрея Платонова.

Один из героев, Воцев, *«попробовал себя руками за тело и решил: надо мне перестать думать, пускай живёт что-то общее...»* Почти все произведения

А. Платонова содержат мысль о том, что попытка коренного переустройства мира возможна, если человек отдаётся делу сполна, даже вступая в интимный контакт с совершенно другой сокровенностью, более нужной для общего дела, — с плотью Земли-матушки.

Антиутопическая проблематика имела место и в 1920–30 годы... в детской литературе. Даниил Хармс писал для детей стихи о времени, стремясь научить их мыслить аналитически, как мыслят учёные. Его стихотворения «Звонить-Лететь» с подзаголовком «Логика бесконечного небытия», а также сборник «Полёт в небеса» свидетельствует о том, что он был и остаётся первооткрывателем нового «типа времени», которое даёт возможность увидеть, как снова попасть в Средневековье, если идти по пути не очень-то понятному. Даниил Хармс хорошо видел, насколько пагубны для развития общества используемые советским государством методы управления массами. Его рассуждения о происходящих изменениях интересно смотрятся в детской литературе. *«Эй, монахи! Мы летать! Эй, монахи! Мы летать! Мы летать и Там летать./ Эй, монахи! Мы звонить! Мы звонить и Там звенеть».*

Даниил Хармс сам, как большая птица, умел шагать по земле и одновременно парить на большой высоте, наблюдая за происходящим и рассказывая об увиденном детям.

*Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел...*

Сам Хармс тоже полетел. А напоследок нам сказал:

*Погибли мы в житейском поле.
Нет никакой надежды боле.
О счастье кончилась мечта —
Осталась только нищета.*

В этой связи нельзя не вспомнить роман Татьяны Толстой «Кысь» (2001). Это тоже антиутопия. Хорошо понимая, что утопия есть социально-политическая форма иррационального отношения к действительности, автор впервые осмысливает проблему поисков личности, бывшей марионеткой недавней коммунистической идеологии. Написан роман ярко, сочно, хотя сюжет и прост.

Главный герой — Бенедикт, простой русский деревенский житель, после

ужасающей катастрофы вместе с односельчанами оказался ... в каменном веке. У Бенедикта вырос даже небольшой хвост — символ принадлежности к древнему роду. Людей мучает не только страх перед природой; они живут в постоянном страхе перед Кысью — невидимым существом, ужасным и коварным. Но всеразрушающая Кысь не единственная, кто несёт зло. Есть ещё Наибольший мурза, правитель, избранный выжившими в катастрофе. Придя к власти, он замучил многих, но этого ему мало. Он начал уничтожать... остав-

шиеся книги. Главный герой, читая запрещённые книжки, начинает понимать ситуацию. Его сознание раздваивается. Рефлексия превращается в активный анализ и переосмысление. Бенедикт приходит к выводу, что жить с хвостом, явным признаком принадлежности к животному миру, больше не может. Бенедикт лихорадочно ищет книгу, «где сказано, как жить». Он соглашается, чтобы люди, которые в его обществе являются носителями либеральной нравственности, отрубили ему хвост — так Бенедикт может порвать с прошлым.

Происходит прозрение. «Бояться» или «не бояться» быть личностью? Это ключевой вопрос, стоящий перед героем. Бенедикт участвует в насильственной смене власти, в низложении с престола Наибольшего мурзы, которому кричит: «Я — человек!». Герой понимает, что невидимая ранее злая «Кысь» сидела в нём самом, в каждом из его соплеменников, заставляя дро-

жать перед мурзой. Просто раньше люди не могли понять, что виновен не столько мурза, сколько они сами, создавшие себе **человекобога**. Бенедикт смог убедить себя: надо набраться смелости — **«смечь измениться»**. Он понимает наконец-то, что зло исходит не столько от власти, сколько от самих людей, позволяющих приходиться к власти недостойным. Татьяна Толстая впервые в русской антиутопии показала главного героя как **субъект-личность**, способную направлять свою рефлексивную на критическую оценку собственной деятельности в обществе.

Нельзя не упомянуть об антиутопических работах А. А. Зиновьева, советского философа, социолога, полемиста. Его произведения «Зияющие высоты», «Глобальный человек», «Исповедь отщепенца», «Фактор понимания» и другие известны далеко за пределами России. Этот автор стоит значительно выше российских литераторов, пишущих антиутопии. Профессиональный фило-

соф, он глубоко изучил теорию марксизма. Его докторская диссертация и монография «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материалах «Капитала» К. Маркса) переведены на многие языки мира. Смелый по натуре, умнейший и честнейший человек, он имел полное право критиковать результаты развитого социализма, воочию видя печальную участь построения коммунизма. Лишённый в СССР всех научных и даже боевых званий и наград, А. А. Зиновьев создал целый ряд антиутопических произведений. В известном смысле его можно назвать Аввакумом коммунистической эпохи. Он писал сначала скрытно, а позже, уже высланный за ру-

беж, дал волю своему антиутопическому настрою. Работы А. А. Зиновьева, переведённые на многие языки, сравнивают и с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, и Дж. Свифта.

Не меньшего внимания заслуживают произведения таких авторов, как Василий Аксёнов («Остров Крым»), Владимир Войнович («Москва-2042») и другие. Интеллект и талант этих писателей трудно переоценить.

Без утопий не было бы и антиутопий. Утопии рождались и тихо, развенчанные реальностью жизни, погибали. В каждой стране они имеют свою специфику. Утопии Франции, например, были бунтарскими и кровавыми. В Испании их считали донкихотством, благостью. Итальянские утопии известны лучезарностью и патетичным слогом. В английских же утопиях соблюдался принцип постепенности с типичным для этого этноса налётом снобизма, но одновременно и здравого смысла.

В России же утопия была «не своя». Её позаимствовали, потому и торопились реализовать. В нетерпении сердца, еле сдерживая революционную страсть, спешили испробовать её, провести социальный эксперимент на соотечественниках. Прямо как в романе «Кысь». Чем не предмет для размышления будущим антиутопистам? Если они, конечно, ещё остались. Но раз антиутопия, подмяв под себя «коварный» жанр политической сатиры, разрешена свободой слова, то современной власти это даже удобно. Политическая сатира кусается сильнее. Высокие замыслы карнавала антиутописты развенчали. Но мёртвым не больно.

С автором можно связаться:
vlad.slod36@mail.ru

Платонов А. Записные книжки. — М., 2004.
Хармс Д. Сочинения. В 2-х тт. — 1994.
Толстая Т. Кысь. — М., 2001.
Зиновьев А.А. Русская судьба. Записки отщепенца. — М., 1999.

Статья посвящена жанрам утопии и антиутопии в русской литературе.

Утопия, Антиутопия, Андрей Платонов, Татьяна Толстая, Александр Зиновьев

The article is devoted to the genres of utopia and dystopia in Russian literature.

Utopia, dystopia, Andrei Platonov, Tatyana Tolstoy, Alexander Zinoviev